

УДК 343.9:316.32

В. Н. Дрёмин

ПРЕСТУПНОСТЬ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Преступность и система криминогенных факторов отражают определенное качественное состояние общества — уровень его криминализма. Проблема социального криминализма была лишь обозначена криминологами (А. Н. Костенко, В. А. Уфимцев, М. В. Романенко и др.), оставшись без дальнейшего изучения [1]. Криминализм как свойство, но одновременно и состояние общественного организма включает в себя всю гамму социально-правовых, социально-психологических, культурологических и других характеристик того или иного социума.

Социальные, экономические, социально-психологические и другие факторы воспроизводства преступности позволяют сделать вывод о значительной зависимости поведения людей от социальной среды обитания и в каждом конкретном случае — от комплекса социальных институтов, которые формируют его образ жизни. Человек формирует свою жизненную среду, но при этом остается объектом, а зачастую и «жертвой» её влияния. Роль конкретных социальных механизмов, определяющих содержание и направленность социальных практик в воспроизводстве и институционализации преступности, явно недооценивается, иначе политика государства в сфере противодействия преступности не ориентировалась бы исключительно на репрессивные уголовно-правовые меры.

Криминализация в украинском обществе имеет собственные закономерности и криминологические особенности, связанные с происходящими в стране политическими, правовыми и экономическими реформами после распада СССР. Как отмечают ученые, социально-политические изменения всегда отличаются амбивалентностью. С одной стороны, ожидаемая демократизация общества, с другой — его криминализация [2]. В. Г. Федотова пишет: «1991–1998 годы были временем всеохватывающих изменений власти и общества. Это была революция, прошедшая все свои классические фазы — революционные ожидания и иллюзии, эйфорию победы, разрушение иллюзий, обычно приходящее после победы, раскол в рядах революционеров, террор, невиданную люмпенизацию и криминализацию масс» [3]. Сказанное относится ко всем вновь образовавшимся государствам на постсоветской территории. Особенностью украинского общества является то, что в течение всего периода независимости оно находится в транзитивном состоянии, что самым прямым образом отражается на процессах его криминализации.

В самом общем смысле понятие «транзитуция» обозначает переход из одного общественного состояния в другое («transitus» с латинского — переход, прохождение), процесс изменений в обществе, преобразование. В современной политологии термин «транзитология» обычно применяют для характеристики стран, находящихся на этапе перехода от авторитарных режимов к демократическим [4].

В последние годы содержание данного понятия значительно расширилось и стало охватывать как политические, так и экономические, а также культурологические процессы. В постсоветской научной литературе для обозначения преобразования социалистического хозяйства в рыночное, перехода к политическому плюрализму используются также понятия «переходный период», «трансформация» и т.п. Транзитивность украинского общества является общепризнанным фактом, так как фактически все его структурные элементы длительное время находились (или находятся) в стадии реформирования, «перформатирования» либо в стадии создания. Безусловно, это не могло не отразиться на состоянии преступности в стране, ибо именно люди, склонные к противоправной деятельности, как никто другой, быстро реагируют на малейшие просчеты и упущения в функционировании институтов власти и управления. Например, в условиях перманентного реформирования системы правоохранительных органов, замены десятков тысяч специалистов реагирование на преступность будет не всегда своевременным и эффективным. Сказанное относится не только к системе уголовной юстиции, но и в целом к функционированию социальных институтов, обеспечивающих жизнедеятельность общества в целом и каждого гражданина в отдельности. В странах транзитивного типа, как правило, наблюдается значительный рост преступности. Украина в этом смысле не стала исключением. Таким образом, есть все основания говорить об особом виде преступности, которую мы называем «транзитивная преступность», или преступность «транзитивного типа» [5].

Подтверждением особого характера преступности в транзитивных обществах является существенная активизация и изменение характера преступности в СССР в конце 80-х и в 90-е гг. прошлого столетия (период «перестройки», распада СССР и становления независимых государств, ранее входящих в состав СССР). По оценке Межгосударственного статистического комитета СНГ, количество зарегистрированных преступлений в странах СНГ в 1995 г., на который приходится пик преступности после распада СССР, по сравнению с 1991 г. выросло на 22 % — с 2 млн 168 тыс. до 2 млн 755,7 тыс. Общее число осужденных по приговорам, вступившим в законную силу, увеличилось с 925 000 до 1 млн 36 тыс., или на 12 %. Максимально высокого уровня достиг и коэффициент судимости — 875 человек на 100 тыс. человек населения в возрасте до 14 лет и старше. Обобщая данные за 1991–1995 гг., Межгосударственный статистический комитет СНГ отмечал, что «криминальная среда активно консолидировалась, приобретает более высокий профессионализм и организованность, многоцелевую и крупномасштабную ориентацию, захватывает в сферу своего влияния новые слои и категории населения» [6].

Обширную информацию о состоянии преступности в контексте переходных процессов в Украине содержит фундаментальное исследование А. Г. Кулика, В. И. Бобыря «Общая тенденция преступности в Украине в 1972–1993 гг. и прогноз на ближайшие годы». Большая часть сформулированных авторами исследования выводов и прогнозов нашла своё подтверждение в реальной жизни [7].

По данным МВД Украины, в 1987–1997 гг. происходил интенсивный рост числа таких наиболее опасных корыстно-насильственных преступлений, как разбойные нападения и грабежи, количество которых за десять лет возросло в 9 раз, а удельный вес — в 3 раза.

С начала 2000 года наблюдалось снижение уровня преступности в стране, что может быть объяснимо особенностями нового порядка регистрации преступлений, введением в действие в 2001 г. УК Украины, в котором были декриминализованы деяния, ранее считавшиеся преступными, а также активизацией деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности.

Социальное положение лиц, совершавших преступления в 90-е гг., подтверждает мысль о том, что криминальные практики распространены фактически во всех слоях населения, однако выделяется обширная группа лиц, не занятых трудовой деятельностью. Так, например, в 1996 г. социальный состав осуждённых был таким: рабочих — около 22 %, сельских работников — около 7 %, служащих — свыше 7 %; учеников — около 5 %; иных категорий (пенсионеров, инвалидов, домохозяек и пр.) — 10,8 %, без определённых занятий, в том числе и безработных — около 42 %. При этом последний показатель в 1997 г. составил 57 %. Как видно из этих данных, примерно половина преступников до совершения преступления находилась в маргинальном состоянии. Статистика позволяет говорить о корреляции экономического кризиса, охватившего в эти годы страну, и уровня преступности.

Таким образом, можно сделать вывод, что существенные изменения в динамике и структуре преступности в девяностые годы прошлого века были обусловлены, прежде всего, переменами, происходящими в социально-политической и социально-экономической сферах. Безусловно, сложность отношений в глобализирующемся мире со многими экономическими центрами требует глубокого научного осмысления новых отношений и процессов, особенно когда речь идет о трансформирующихся странах [8]. Ученые подчеркивают, что разрыв этих двух тем — трансформация общества в постсоветских государствах и перестройка глобального сообщества — является крайне неплодотворным. Непонимание, недооценка новой социополитической топологии мира, то есть реального мира рубежа XXI века — прямой источник грубейших просчетов и ошибок [9].

Есть все основания считать, что решающим фактором ускоренной криминализации украинского общества стала его деинституционализация, проявившаяся в разрушении ранее устойчивых социальных институтов. Деинституционализация как социальный процесс получила ускоренное развитие в условиях «транзитивности» Украинского государства.

О беспрецедентности масштаба перемен в политической и экономической сферах, сказавшихся на социальной структуре общества, говорят не столько успехи в этом направлении, сколько системный кризис, охвативший нашу страну. Хаотическое «реформирование» бывшего советского общества привело в начале девяностых годов к разрушению институциональных основ, ранее обеспечивавших его достаточно стабильное экономическое, политическое и право-

вое развитие. Дискуссионным остается вопрос о необходимости столь решительно быстрого слома экономики и устоявшегося социального порядка, который был осуществлён в 90-е гг. Многие экономисты, политологи, социологи, юристы считают такой шаг ошибочным. «С точки зрения системного анализа трансформация экономики Украины не выдерживает никакой критики. Аксиомой, не требующей доказательств, является то, что учреждение и становление рыночных институтов под силу только сильному государству, ибо «вопреки оптимистическим теориям модернизации, рыночных путей к рыночной экономике не существует». Однако, действуя методом от обратного, украинские «реформаторы» начали экономические преобразования в стране с превращения государства в «ночного сторожа», с демонтажа его основных институтов. Это содействовало решению только одной, по сути, антигосударственной задачи — разграблению общенародного достояния страны, созданного самоотверженным трудом нескольких поколений, и разрушению способности государства к воспроизводству экономики», — утверждает ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Украины А. Арсенок [10].

Сказанное подтверждают данные, характеризующие переходный период конца прошлого века: в 1990–1999 гг. ВВП в Украине сократился на 59,2 %, объем промышленной продукции — на 48,9 %, сельского хозяйства — на 51,5 %. Реальная заработная плата уменьшилась в 3,82 раза, а реальные выплаты по пенсиям — в 4 раза [11]. Сумма задолженности по выплате заработной платы на 10 декабря 2000 г. составляла 5,3 млрд грн. Количество безработных в 2000 г. достигло 1155,2 тыс. человек, только 627,3 тыс. из них получали пособие по безработице [12].

Беспрецедентная деградация экономики Украины на протяжении 10 лет повлекла за собой демографический кризис. В результате сокращения населения в стране составило в эти годы примерно 400 тыс. человек ежегодно, начиная с 1994 г. Общий коэффициент рождаемости на 1000 человек населения снизился с 12,7 человека в 1990 г. до 7,8 человека в 1999 г. [13].

Директор Программы Международной организации труда (МОТ) по проблемам социально-экономической безопасности в XXI веке Г. Стэндинг пишет об Украине следующее: «Высокий уровень смертности среди взрослых является наиболее разоблачающей статистикой глубины снижения жизненного уровня и не приукрашенным свидетельством того, что эта большая, стратегически важно расположенная страна в настоящее время сталкивается с социальным, экономическим, политическим и демографическим кризисом, который требует гораздо большего внимания, чем то, которое ему уделяется» [14].

А. Арсенок ещё в 2002 г. предположил, что это — только начало тяжелых испытаний, выпавших на долю Украины на изломе веков. Утверждая, что крупные мировые финансовые институты заранее занесли Украину в число стран-банкротов вместе с другими «переходными» странами, ученый ссылается на статью «Стратегическое значение глобального неравенства» директора Центра международного развития, профессора Гарвардского университета Дж. Сакса (известного как идеолога реформ в России и Украине). Она была

опубликована в «Вашингтон Квотерли» (The Washington Quarterly) и основывается на выводах Спецкомиссии ЦРУ по изучению банкротств государств. Квинтэссенция заключений ЦРУ сводится к тому, что в обозримом будущем в мире увеличится число стран-банкротов, а с ними — и острых проблем, которые могут распространиться на остальной мир, включая США, так как «обанкротившиеся страны являются рассадником насилия, терроризма, международной преступности, массовой миграции и потоков беженцев, наркоторговли, болезней» [15].

Социальные системы, переживающие глубинную трансформацию и находящиеся в «транзитивном» состоянии, являются деинституционализированными как бы по определению: их прежний институциональный каркас уже сломан, а новый еще не отстроен, ибо это всегда нелегкий и затяжной процесс, с негарантированными результатами. «В первом приближении общества переходного типа можно было бы охарактеризовать как общества с отключенными или разрушенными формальными регуляторами. Естественно, что динамика переходного процесса во многом задается размерами исходных институциональных обрушений. Чаще всего они затрагивают не более одного-двух ключевых сегментов общественного организма; тотальные институциональные кризисы случаются лишь при наложении множества экстраординарных событий» — пишет Р. И. Капелюшников [16]. Таким, безусловно, экстраординарным событием стал распад Советского Союза, который превратился в глобальный социальный эксперимент, объективно отразивший механизм ускоренной криминализации общества.

Э. Гиббон и А. Тойнби считают, что в «смутные» времена «общество с его накопленными материальными и духовными богатствами становится добычей разрушительных сил и само продуцирует преступность по отношению к другим обществам. Модернизация незападных стран за последние три столетия была отмечена в значительной степени не приспособлением рыночной экономики к специфическим ориентациям и формам поведения, принятым в других культурах, а растущими разрывами в устоявшихся и жизненно важных системах ценностей, смыслов и структур [17].

Исследователи единодушны в оценке криминологических последствий распада социалистической системы и отмечают, что во всех постсоветских странах общество вынуждено расплачиваться за переход к капиталистическому рынку с помощью «шоковой терапии». Цена такой «терапии» — криминализация всех сторон общественной жизни и системный кризис. Т. И. Заславская, давая интегральную оценку динамики человеческого потенциала, приходит к выводу, что в 90-е гг. социальное развитие России характеризуется тенденциями, обратными мировым [18]. Она считает, что «соотношение институтов — не главная цель реформ, а, прежде всего, инструмент достижения более фундаментальной цели — совершенствования социально-групповой структуры и роста человеческого потенциала общества» [18].

Демонтаж коммунистического режима сопровождался не только отказом от выработанных им репрессивных механизмов, но также развалом и исчезнове-

нием многих регулирующих структур, выполнявших «стандартные» государственные функции [16]. Несмотря на то, что переходный период для Украины явно затянулся, высшие эшелоны власти не могут стабилизировать положение. Преступность развивается и укрепляется тогда и там, где присутствует хаос в общественной жизни при отсутствии политической воли с ним бороться. Из опыта становления западных экономик известно, что нередко первоначальный капитал имеет криминальное происхождение. Распространено мнение, что социальные проблемы существуют в странах транзиции потому, что там устанавливается капитализм с чертами первоначального накопления капитала [8, 26]. Первоначальное накопление капитала за счет обнищания населения стало характерным признаком рыночных преобразований и превратилось в генератор мощных криминогенных последствий [19, 294]. Преступность, имманентная рассматриваемому историческому периоду, в своей основе носит характер перехода к новым общественным отношениям. Этот переход ознаменовался, с одной стороны, резким изменением условий социальной среды обитания, а следовательно, возникновением состояния социальной дисгармонии. С другой стороны, новые экономические отношения на основе экономического закона спроса и предложения привели к возникновению новых видов преступлений [20, 55].

Преступность, тесно связанная с социальными условиями своего существования, в своих основных формах также носит «транзитивный» характер.

Есть все основания полагать, что транзитивный статус украинского общества вполне устраивает представителей криминального мира, получивших возможность влиять на государственные решения. Преступность не просто влечена в современные трансформационные отношения: идет активный процесс институционализации отдельных видов криминальных практик, т.е. превращения преступности в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в формирующуюся систему общественных отношений (экономических и неэкономических), становится нормой (привычным образцом) поведения. Противоречия и несоответствия в институциональной системе реформируемого общества, выступая важным источником неправовых практик, постепенно втягивают неправовые практики в свою орбиту, делая элементом институциональной системы общества [21].

Логичным в этой связи является вывод профессора А. И. Долговой о том, что преступность существует и функционирует в контексте реальных (в данном случае — кризисных), широких социальных отношений и одновременно — как относительно самостоятельное явление, способное оказывать широкое влияние — при просчетах борьбы с ней — на общество в целом и разные стороны его жизни. Наступление преступности на легитимную часть общества происходит, в том числе, путем криминализации экономики, политической и других сфер жизнедеятельности, в том числе лоббирования криминального интереса в процессе законотворческой деятельности [22].

Безусловно, следует признать, что кризисное состояние общества — это не единственно важная причина ускоренной криминализации общества. Очевид-

но, что социальный кризис и криминализация — следствие воздействия системы факторов, скрывающихся в различных сферах общественной жизни.

Бывшие «социалистические республики» стали своего рода «полигоном», на котором отрабатывались новейшие экономические, политические и культурологические технологии построения так называемого «рыночного» общества западного типа. Неготовленность и быстрота реформ, с одной стороны, и влияние царствовавшей многие годы административно-командной системы управления экономикой — с другой, привели к тому, что вместо ожидаемых прогрессивных изменений общество столкнулось с открытым лицемерием, продажностью чиновников всех уровней, массовым разграблением имущества, которое ранее именовалось «социалистической собственностью». В результате таких «реформ» процесс распада и трансформации институциональной структуры общества стал приобретать всё более криминальный характер, что привело к деинституционализации социальных отношений и тотальной криминализации населения, представляющего различные слои общества и социальные группы.

Литература

1. Костенко О. М. Формула декриміналізації держави [Електронний ресурс] / О. М. Костенко. — Режим доступу : maidan.org.ua/static/mai/1113900158.html ; Костенко О. М. Помаранчева революція у світлі політичної кримінології [Електронний ресурс] / О. М. Костенко. — Режим доступу : maidan.org.ua/static/mai/1103317538.html ; Романенко М. В. Криміналізм — «світле» майбутнє Росії?! [Електронний ресурс] // Ломоносовские чтения. — 2002. — Т. 1. — Режим доступу : lib.socio.msu.ru/1/library ; Уфимцев В. А. Преступность с позиции теории систем [Электронный ресурс] / В. А. Уфимцев. — Режим доступа : eonic.chat.ru/crim/crim05.htm.
2. Кобцев Г. М. Современная государственная политика России по декриминализации общества : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Г. М. Кобцев. — Ростов н/Д, 2007.
3. Федотова В. Г. Криминализация России. Автохотомный капитализм как реакция на правый радикализм // Свободная мысль. Теоретический и политический журнал. — 2000. — № 2. — С. 34–51.
4. Дегтярев А. А. Основы политической теории : учеб. пособие / А. А. Дегтярев ; Ин-т «Открытое общество». — М. : Высш. шк., 1998. — С. 209 ; Linz J. Problems of Democratic Transition and Consolidation / J. Linz, A. Stepan. — Baltimore and London : The Johns Hopkins University Press, 1996. — P. 38–54.
5. Дремин В. Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества : монография / В. Н. Дремин. — О. : Юрид. л-ра, 2009. — С. 198–219.
6. Рывкина Р. В. Социальные корни криминализации российского общества // Социологические исследования. — 1997. — № 4. — С. 73–83.
7. Кулик А. Г. Общая тенденция преступности в Украине в 1972–1993 гг. и прогноз на ближайшие годы / А. Г. Кулик, В. И. Бобырь // Преступность в Украине : бюл. законодательства и юрид. практики Украины. — 1994. — № 2. — С. 5–37, 13–185.
8. Маркович Д. Ж. Противоречия транзисии постсоциалистических обществ // Социологические исследования. — 2006. — № 9. — С. 21–27.
9. Неклесса А. Глобальные сдвиги и их воздействие на российское общество [Электронный ресурс] // Выступление на круглом столе «Российское общество в контексте глобальных изменений», МЭМО, 17, 29 апр. 1998 г. — Режим доступа : www.archipelag.ru/authors/neklessa/
10. Арсеев А. Украина в тисках «транзитологии» и западне глобализации на изломе веков [Электронный ресурс] / А. Арсеев. — Режим доступа : russian.kiev.ua/material.php?id=9001534.
11. Послання Президента України до Верховної Ради про внутрішні і зовнішні становище України у 2000 році. — К., 2001. — С. 25.
12. Соціально-економічне становище України за 2000 рік : повідомлення Держ. комітету статистики України // Статистика України. — 2001. — № 1. — С. 105–107.

13. Карпачова Н. І. Стан дотримання та захисту прав і свобод людини в Україні : Перша щорічна доповідь Уповноваженого Верховної Ради України з прав людини / Н. І. Карпачова. — К., 2000. — С. 95–96.
14. Standing G. Worker Insecurities in Ukrainian Industry / G. Standing, L. Zsoldos. — Geneva : ILO, April 2000 ; Цит. по: Арсеєнко А. Україна в тисках «транзитології» і западне глобалізації на изломе веков [Електронний ресурс] / А. Арсеєнко. — Режим доступу : www.russian.kiev.ua.
15. Sachs J. D. The Strategic Significance of Global Inequality // The Washington Quarterly. — 2001. — P. 187 ; Цит. по: Арсеєнко А. Україна в тисках «транзитології» і западне глобалізації на изломе веков [Електронний ресурс] / А. Арсеєнко. — Режим доступу : www.russian.kiev.ua.
16. Капелюшников Р. И. «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. — 2001. — № 1. — С. 138–156.
17. Ерасов Б. Глобальный хаос и криминал как продукт крушения цивилизационного устройства [Електронний ресурс] / Б. Ерасов. — Режим доступу : www.archipelag.ru/geoeconomics/global/challenge/globalchaos/#end6.
18. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. — 2005. — № 4. — С. 13–25.
19. Волженкин Б. В. Экономическая преступность и политическая коррупция / Б. В. Волженкин, В. В. Колесников // Политический режим и преступность / под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. — С. 260–308.
20. Васильев В. С. Типология социальных зависимостей преступности от условий внешней среды и причины социальной детерминации преступности в Российском обществе // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. — М. : Рос. криминол. ассоц., 2002. — С. 52–56.
21. Дремін В. Н. Інституціоналізація преступности и институциональная криминологія : концептуальні підходи // Криминологія в Україні та протидія злочинності : [зб. наук. ст.] / [за ред. М. П. Орзіха, В. М. Дрьоміна]. — О. : Фенікс, 2008. — С. 54–71. — (Б-ка журн. «Юридичний вісник»).
22. Долгова А. И. Реагирование на преступность: система и основные подходы // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. — М. : Рос. криминол. ассоц., 2002. — С. 3–7.

Анотація

Дремін В. Н. Преступность в транзитивном обществе. — Статья.

В статье рассматривается преступность в транзитивном обществе. Отмечается, что криминализация в украинском обществе имеет собственные закономерности и криминологические особенности, связанные с институциональным кризисом. Обосновывается вывод, что в странах транзитивного типа наблюдается значительный рост преступности.

Ключевые слова: преступность, транзитивное общество, институциональный кризис.

Анотація

Дрьомін В. Н. Злочинність у транзитивному суспільстві. — Стаття.

У статті розглядається злочинність у транзитивному суспільстві. Відзначається, що криміналізація в українському суспільстві має власні закономірності та криминологічні особливості, пов'язані з інституціональною кризою. Обґрунтовується висновок, що в країнах транзитивного типу спостерігається значне зростання злочинності.

Ключові слова: злочинність, транзитивне суспільство, інституціональна криза.

Summary

Dryomin V. Criminality in the transitive society. — Article.

The article deals with crime in the transitive society. It is noted that the criminalization of the Ukrainian society has its own regularities and criminological features associated with the institutional crisis. The author substantiates the conclusion that countries of transitive type have significant growth of criminality.

Keywords: criminality, transitive society, institutional crisis.